
ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКИ «ПРИГОДНОГО» ПРОШЛОГО И ЭВОЛЮЦИЯ ОФИЦИАЛЬНОЙ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ¹

О.Ю. Малинова

*Институт научной информации
по общественным наукам РАН*

Аннотация: *Опираясь на концепцию символической борьбы П. Бурдьё, автор статьи рассматривает политическое использование коллективного прошлого в качестве одного из элементов символической политики современного Российского государства. В результате проведённого анализа делается вывод, что практика политического использования прошлого в дискурсе властвующей элиты складывалась ad hoc и была подчинена логике легитимации политического курса.*

Ключевые слова: *символическая политика, социальная память, политика исторического знания, политическое использование прошлого.*

«Общепринятые» представления о прошлом являются одной из главных опор идентичности современных политических сообществ. То, что иногда называют «публичной историей» в отличие от «формальной» или «профессиональной» – репрезентации и интерпретации прошлого, адресованные широкой аудитории неспециалистов – оказывает существенное влияние на формирование представлений о нас и мобилизацию групповой солидарности. Политическое использование прошлого служит инструментом для конструирования всех типов коллективной идентичности (классовой, гендерной, религиозной и др.), однако особое значение оно имеет для воображения наций. Не случайно в рамках сложившейся (и пока трудно поддающейся изменению) традиции именно нации/государства стали главными объектами историографического описания.

После распада СССР все бывшие союзные республики столкнулись с необходимостью формирования новых идентичностей на основе наличных символических ресурсов. В случае России эта задача осложнялась множеством проблем, о которых нам уже доводилось писать [Малинова 2010: 10-11]. Очевидно, что трудности с формированием «общепринятых» представлений о коллективном прошлом, способных задавать смысловые рамки новой макрополитической идентичности, были обусловлены как структурными, так и агентивными факторами. С одной стороны, приходилось принимать в расчет ограничения, заданные контекстом:

¹ Исследование проводится при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № № 11-03-00202 а.

факт трансформации административных границ в государственные; наличие советского наследия институционализации этничности; особенности сложившейся историографической традиции, вплетавшей национальный нарратив в имперский [См. Миллер 2010; Maiorova 2010]; декларацию правопреемства по отношению к СССР, которая мешала провести четкую границу между российским и советским [См. Морозов 2009; Каспэ 2012]. С другой стороны, «неопределенность» коллективного прошлого усугублялась отсутствием внятной позиции государства по большинству вопросов, вызывающих идеологические споры. По признанию многих исследователей, ключевой проблемой, затрудняющей формирование новой макрополитической идентичности, является стремление властвующей элиты отложить на неопределенное будущее решение дилемм, связанных с ее ценностно-смысловым наполнением [См. Каспэ 2006: 17; Гудков, Дубин 2007: 21; Дробижева 2008: 74; Малинова 2010 и др.]. Переоценка коллективного прошлого и реорганизация сложившихся исторических нарративов с учетом новых задач – один из аспектов данной проблемы.

Политическое использование прошлого как элемент символической политики

Вопросы, связанные с использованием и интерпретацией прошлого в политических контекстах, в последние годы стали предметом пристального внимания представителей разных социальных наук – историков, социологов, политологов, исследователей международных отношений, культурологов и др. В этом корпусе литературы имеется немало работ, посвященных анализу российского случая [Зубкова, Куприянов 1999; Merridale 2003; Зверева 2004; Феретти 2004; Wertsch 2008; Копосов 2011; Малинова 2011; Миллер 2012b; Ачкасов 2012; Торбаков 2012; Laruelle 2012 и др.]. Понятийный аппарат этих и других исследований не отличается единообразием: речь идет об «исторической политике / политике истории», «политике прошлого», «политике памяти», «коллективной/общественной памяти», «политическом использовании прошлого», «культурах памяти» и др. Такое многообразие терминов в полной мере отражает состояние данного проблемного поля: усилия разрабатывающих его исследователей объединены скорее предметом, нежели схожими методологическими подходами и стремлением к систематической эмпирической проверке немногочисленных пока теорий. Что, впрочем, вполне нормально, если учесть междисциплинарный характер быстро прирастающего корпуса исследовательских текстов. Более строгая методологическая рефлексия возможна в рамках постепенной специализации проблемного поля и встраивания его в теоретические подходы, разрабатываемые отдельными социальными науками (что не отменяет коммуникации поверх дисциплинарных границ, но делает ее более осмысленной).

В этой связи нам представляется перспективным изучение практики политического использования прошлого в качестве одного из аспектов *символической политики*. Опираясь на концепцию символической борьбы П.Бурдьё [Бурдьё 1997 и др.], под этим термином мы предлагаем понимать *деятельность, связанную с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве*. Рассматриваемая таким образом символическая политика является не противоположностью, а скорее специфическим аспектом «реальной» политики. В качестве ее инструментов выступают не только вербально оформленные «идеи» (принципы, концепции, доктрины, программы и т.п.), но и невербальные способы означивания (образы, жесты, графические изображения и др.); ее практики выражаются не только в «словах», но и в «делах». Предлагаемый нами подход ориентирует не только на изучение целей, стратегий и технологий, реализуемых акторами, действующими в публичном пространстве (т.е. на выявление различных типов *symbolic policies*). Он также побуждает фокусировать внимание на процессе взаимодействия (конкуренции, поддержки, сопряжения и др.) между разными способами интерпретации социальной реальности, который в логике различения, имеющего место в английском языке, можно обозначить как *symbolic politics*. Наконец, данный подход нацелен на

изучение специфических механизмов, обуславливающих наблюдаемые результаты такого взаимодействия – доминирование одних способов интерпретации социальной реальности и маргинализацию других, трансформацию дискурсов под влиянием конкуренции и т.п.

Объектом нашего исследования является использование и интерпретация коллективного прошлого в курсе символической политики, проводимом от имени современного Российского государства. Не будучи единственным актором данного поля, государство занимает на нем особое положение, поскольку обладает возможностью навязывать поддерживаемые им способы интерпретации социальной реальности путем властного распределения ресурсов, правовой категоризации, придания символам особого статуса, а также благодаря способности представлять Нас на международной арене. В связи с этим публичные высказывания акторов, выступающих от имени государства или участвующих в принятии властных решений, как правило, становятся объектами соотнесения для других участников коммуникации. Вместе с тем, доминирование интерпретаций, артикулируемых властвующей элитой, не предрешиено: даже если «нужная» нормативно-ценностная система навязывается насильственными методами, у индивидов остается возможность «лукавого приспособления»² и двоемыслия. Оспаривание существующего социального порядка – не менее важная часть символической политики, чем его легитимация.

Продвигая или поддерживая определенные интерпретации коллективного прошлого, представители властвующей элиты преследуют политические цели, которые не всегда связаны собственно с «исторической политикой» [Миллер 2012a]: они стремятся легитимировать собственную власть, укрепить солидарность сообщества, оправдать принимаемые решения, мобилизовать электоральную поддержку, показать несостоятельность оппонентов и проч. Вместе с тем, возможность реализации этих целей существенно зависит от конфигурации уже сложившегося репертуара понятий, представлений, образов, символов, нарративов и проч., которые в известном смысле являются общим «достоянием» всех участников публичного пространства и оказываются предметами интерпретации, присвоения и оспаривания. При этом конфигурация публичной сферы оказывают значимое влияние на символические стратегии и возможности различных акторов.

Очевидно, что «пригодность» прошлого зависит не только от преследуемых целей, но и от наличного набора представлений, ассоциируемых с теми или иными событиями или фигурами, которые, в свою очередь, опираются на интерпретации прошлого, циркулирующие в публичном пространстве. Можно предположить, что опорой макрополитической идентичности могут выступать события, образы, символы, мифы прошлого, которые а) закреплены в массовом сознании, т.е. «освоены» посредством разных каналов социализации, б) позволяют конструировать положительно окрашенный образ Нас, что определяется соответствием системам культурных представлений, задающим оценочные шкалы, в) не являются предметом противоположных оценок, конкуренция которых воспринимается по принципу игры с нулевой суммой. Если эти предположения верны, «тысячелетняя история» России – хотя и богатый, но трудный ресурс для политических антрепренеров, занятых конструированием макрополитической идентичности.

В настоящей статье на основе изучения риторики президентов РФ, публичных выступлений политиков, занимавших ключевые позиции в федеральной исполнительной власти, а также публикаций официального печатного органа Правительства РФ – «Российской газеты»

² Согласно концепции Ю.А.Левады, советские идеологические практики, навязывавшие индивидам универсальную нормативно-ценностную систему, формировали «человека лукавого», соглашавшегося с предписываемыми установками – и одновременно искавшего способы их обойти [Левада 2000].

³ Этот статус «РГ» обусловлен функцией официального публикатора Указов Президента, постановлений и распоряжений Правительства, а также нормативных актов министерств и ведомств. Тем не менее представляется возможным рассматривать эту газету в качестве источника, наиболее полно отражающего спектр мнений *властвующей* элиты, поскольку одновременно она обеспечивает информационное сопровождение принимаемых решений, публикуя новости, репортажи и интервью государственных деятелей.

, мы попытаемся проследить, как менялись практики политического использования прошлого властвующей политической элитой в 1990-2010-х гг. Выборка источников не является репрезентативной, а методика их анализа – строгой. Задача этой статьи – выявить эволюцию подходов властвующей элиты к использованию прошлого в контексте решения текущих политических задач и оценить ее последствия для формирования новой макрополитической идентичности. Уточнение выявленных тенденций и их анализ в общем контексте символического пространства – задача другого, более обстоятельного исследования.

***1990-е: через отрицание «тоталитарного прошлого» –
к поискам «примирения и согласия»***

В первые годы существования нового Российского государства интерпретация национального прошлого в публичной риторике властвующей элиты была подчинена главной политической задаче – оправданию курса на радикальную трансформацию советского «тоталитарного» порядка. Цели реформ, начавшихся в 1992 г., формулировались в духе неозападного дискурса, который сложился еще в годы перестройки [См. Малинова 2009: гл. 95-108]. Казалось, что победа «демократов» в августе 1991 г. открывает перед Россией перспективу превращения в «нормальную» демократическую страну с рыночной экономикой. По образному выражению министра иностранных дел в правительстве Ельцина – Гайдара А.В. Козырева, «наша «сверхзадача» – буквально за волосы себя втащить... в клуб наиболее развитых демократических держав. Только на этом пути Россия обретет столь необходимое ей национальное самосознание и самоуважение, встанет на твердую почву» [Козырев 1994: 22]. Эта «сверхзадача» воспринималась как радикальное изменение сложившейся траектории исторического развития. Примечательно, что многие «демократы», рассуждая о необходимости перемен, использовали метафоры, указывающие на волевой и даже насильственный характер предстоящего прорыва⁴. Отталкиваясь от идеологических оппозиций времен холодной войны, властная элита начала 1990-х гг. интерпретировала постсоветский транзит в логике исторической схемы, побуждавшей к тотальному отрицанию советских принципов.

Отношение к дореволюционному наследию было более сложным. С одной стороны, начатые преобразования интерпретировались как восстановление связи времен, разорванной в годы Советской власти. Как подчеркивал Б.Н. Ельцин в своем первом президентском послании Федеральному Собранию, «разложилась доминировавшая в течение десятилетий тоталитарная государственная идеология, выразителем которой была КПСС. На смену приходит осознание естественной исторической и культурной преемственности...» [Ельцин 1994]⁵. Впрочем, реализация этой установки в символической политике государства носила избирательный характер. Усилия по «восстановлению памяти» в большей мере касались недавнего прошлого. Действовала Комиссия при президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий (соответствующий закон был принят еще в октябре 1991 г.; ранее, в апреле того же года был принят закон «О реабилитации репрессированных народов»). Реабилитация того, что по политическим или идеологическим соображениям порицалось или было

⁴ Ср. «мюнхгаузеновский» образ Козырева («втащить себя за волосы») с рассуждениями оппозиционера Ю.Афанасьева («Необычность... нынешней ситуации... в том, что на эти коренные реформы, на превращение, на прорыв в цивилизацию должны найти в себе силы мы сами – такие, какие мы есть...») [Афанасьев 1992: 11]. В терминах выбора между двумя стратегиями модернизации – традиционным («перенимать не экономические структуры, а результаты, обеспечивать рост, выжимая из общества все ресурсы») и новым, («взрастить на российской почве институты, подобные западным», «укоротить» государство) – описывал позднее миссию своего правительства и Е.Гайдар [Гайдар 1994: 143-144].

⁵ Ср. в 1999 г.: «Завершается десятилетие, ознаменованное возвращением России на магистральный путь мирового развития» [Ельцин 1999b].

предано забвению, давала возможность формировать репертуар позитивных символов, не отступая от доминирующего принципа отрицания «тоталитарного прошлого»⁶.

Заметно меньше внимания уделялось восстановлению «исторической и культурной преемственности» с досоветским периодом. Так, в шести ежегодных посланиях Б.Н. Ельцина Федеральному собранию нам удалось обнаружить всего три упоминания о явлениях и событиях истории до 1917 года, причем только в одном случае прошлое представлялось «со знаком плюс» (ссылка на «глубокие исторические корни» местного самоуправления «в российской политической культуре в виде земства» [Ельцин 1994]⁷). Этот факт примечателен, если учесть, что легитимация текущего курса через апелляцию к прошлому с самого начала стала неотъемлемым атрибутом текстов данного жанра, при этом в посланиях Б.Н.Ельцина фрагментов, которые содержат упоминания о событиях, явлениях и действующих лицах прошлого, заметно больше, чем в аналогичных выступлениях В.В.Путина (2000-2007) и Д.А.Медведева (2008-2011) – 46, 22 и 15 соответственно [Малинова 2011]. Восстановление «связи времен» требовало кропотливой работы по переосмыслению интерпретации отечественной истории, покоившейся на идеологических схемах, оставшихся в наследство от советского времени (и, в свою очередь, впитавших многое из дореволюционного нарратива героического «революционно-освободительного движения»). Здесь трудно было ожидать быстрых результатов, однако важно было поставить соответствующие цели. К сожалению, в первой половине 1990-х годов символическая политика властвующей элиты была всецело подчинена текущим задачам, казалось, что главное – сделать постсоветский переход необратимым, остальное «само собой устроится».

Вместе с тем, корни многих современных проблем усматривались в дореволюционной истории. По словам Ельцина, *«царская Россия, обремененная грузом собственных исторических проблем, не смогла выйти на дорогу демократии, что предопределило «радикализм российского революционного процесса, его стремительный срыв от Февраля к Октябрю»* и в конечном счете обусловило разрыв исторической традиции [Ельцин 1996]. Февральская революция 1917 года рассматривалась как наивысшая точка движения России по «нормальному», «европейскому» пути, прерванного большевиками⁸. Вместе с тем, напоминания о шаткости отечественной либеральной традиции выполняли мобилизационную функцию – они должны были оттенить грандиозность переживаемых трудных реформ и одновременно подчеркнуть связанные с ними риски (см. у Ельцина: *«Россия хорошо знает, что такое право силы. Осознать силу права только предстоит... Тем самым зреет опасное для нашего развития явление: права личности, никогда в отечественной истории не считавшиеся практиче-*

⁶ Яркий пример такой практики – целенаправленные усилия по «канонизации» фигуры опального маршала Г.П.Жукова (в 1994 г. были изданы указы президента о сооружении памятника выдающемуся военачальнику на Красной площади и учреждении медали и ордена Жукова).

⁷ См. также аналогию между «создаваемыми ведомствами за счет взимаемых ими штрафов и расходующих бесконтрольно на собственные нужды» внебюджетных фондов и известной из российской истории «системой кормления» [Ельцин, 1999b] и цитируемое ниже высказывание из послания 1996 г.

⁸ Примечательно, что в «уроке» Февральской революции некоторые сторонники правительственного курса видели аргумент в поддержку современных реформ. См. рассуждения публициста «Российской газеты»: «То, что делалось и делается реформаторами вплоть до сегодняшнего дня..., так или иначе направлено на создание социально-экономической базы принципиально нового на нашей Земле государства, которое в исторической перспективе должно обеспечить нам то качество жизни, которым пользуются граждане с развитой рыночной экономикой и демократической системой... В таких условиях сорвать стратегическое направление развития нашей жизни было бы не просто легкомыслием, а преступлением перед собственной страной и народом. Подобное уже встречалось в отечественной истории. *Плоды Февральской революции, введившей страну в общемировое русло исторически прогрессивных перемен, были перечеркнуты в порыве эмоционального неприятия власти «министров-капиталистов»* в пользу большевистских лживых посулов отдать землю крестьянам, фабрики – рабочим, ввести в повседневную практику самую совершенную в мире социалистическую демократию... И вот теперь многие десятилетия спустя реформаторы вынуждены исправлять трагическую ошибку Октября» (выделено мною – О.М.) [Кива 1997].

ским государственным приоритетом, рискуют и впредь остаться декларативными» [Ельцин 1995]).

Тема «октябрьской катастрофы» активно использовалась во время избирательной кампании Б.Н.Ельцина в 1996 г. Представляя выбор между действующим президентом и его главным противником – лидером коммунистов Г.А.Зюгановым, как вопрос жизни и смерти для новой России, многие члены властвующей элиты использовали в качестве ресурса массовые представления об ужасах большевистской революции и ее последствиях, сформированные благодаря потоку разоблачительных публикаций в СМИ конца 1980-х – начала 1990-х гг. Как подчеркивалось в статье, напечатанной «Российской газетой» за подписью тогдашнего руководителя администрации президента Н.Д.Егорова, «нам придется снова выбирать между продолжением демократических реформ и поворотом вспять. Но назад дороги нет, сзади – пропасть. *Еще одной разрушительной революции Россия просто не выдержит*» (выделено мною – О.М.) [Егоров 1996]. Еще более определенно эту мысль сформулировал мэр Петербурга А.А.Собчак: «После того, что пережила Россия в течение заканчивающегося столетия, она просто не выдержит еще одного диктатора, еще одной революции, которая может оказаться самой кровавой в ее истории» [Собчак 1996].

После выборов, продемонстрировавших готовность значительной части избирателей поддержать кандидата от КРПФ, в курсе символической политики произошли некоторые перемены. 7 ноября 1996 г., за год до 80-летия Октябрьской революции Б.Н.Ельцин издал указ, введший новую формулу праздника, оставшегося в наследство от Советской власти: День примирения и согласия. Можно предположить, что не все разделяли такое решение. Во всяком случае, некоторые представители прежней властвующей элиты и после победы Ельцина пытались представить ситуацию в терминах «столетней гражданской войны», обвиняя «современных большевиков» в эскалации агрессии. Накануне 79-летней годовщины революции А.Н.Яковлев опубликовал в «Российской газете» статью «Если большевизм не сдастся», в которой доказывал, что «*путь к торжеству свободы в России может быть прерван в любой день, если не поставит вне закона большевистскую идеологию человеконенавистничества*» [Яковлев 1996]. Однако Ельцин и его окружение решили не играть на обострение.

В период второго президентства Б.Н.Ельцина наметились очевидные сдвиги в символической политике, которые определялись, с одной стороны, новым раскладом сил, а с другой – потребностью в консолидации расколотого политического класса и «стабилизации» конфликтов, которые во время избирательной кампании намеренно обострялись. Не случайно использованное для переопределения праздника слово «согласие» заняло центральное место в риторике президента. Государство перешло от квази-невмешательства в «свободный рынок» идей к продвижению идеи национального консенсуса. Наиболее заметным проявлением этого сдвига стал призыв к разработке новой «национальной идеи», озвученный Ельциным через месяц после выборов. Хотя последовавшая за этим дискуссия несомненно внесла оживление в общественную повестку и привлекла внимание многих политиков, журналистов, специалистов и просто рядовых граждан, она не привела к искомому результату – установка политического класса на взаимодействие по принципу игры с нулевой суммой оказалась сильнее призывов к единению. Как показал в своем исследовании М.Урбан, несмотря на то, что дискурсы коммунистов/патриотов, демократов и государственников в этой дискуссии имели структурное сходство, и все участники принимали общую цель – сформулировать эксплицитно идею сообщества и превратить ее в государственную идеологию – острота конфликтов по поводу содержания последней не позволяла сосредоточить дискуссию на поиске моментов согласия [Urban 1998: 985]. С учетом прежнего советского опыта закрепления «государственной идеологии» ставки казались слишком высокими, чтобы решать проблему «принципов» на пути компромисса.

Это в полной мере касалось и проблемы интерпретации коллективного прошлого: в понимании «демократов» идея «согласия и примирения» не отменяла необходимости «покая-

ния» в преступлениях советского режима, в то время как «народно-патриотическая оппозиция» изображала попытки переписать историю советского периода как стремление правящего «преступного режима» «унизить русский народ». Без трансформации (или маргинализации) этой оппозиции консенсус был невозможен. И здесь многое зависело от позиции власти, которая могла попытаться дистанцироваться от обеих точек зрения и предложить в качестве основы для диалога некий «третий вариант» – либо пойти по пути, предложенному А.Яковлевым и решительно встать на сторону «демократов», используя имеющиеся ресурсы для маргинализации «народно-патриотического» дискурса. Однако ни того, ни другого сделано не было.

Вторая половина 1990-х гг. отмечена некоторыми изменениями в официальной практике политического использования советского прошлого. Они обозначились еще в 1995 г., в связи с празднованием 50-летия победы в Великой Отечественной войне. Масштаб события, его международно-политический потенциал, а также высокий статус этого праздника в обществе обязывали к проведению торжественных мероприятий с должным размахом. Примечательно, что в процессе их подготовки были сделаны некоторые уступки на поле «борьбы символов»: при проведении парада на Красной площади 9 мая 1995 г. впервые наряду с государственным трехцветным флагом участвовала копия Красного Знамени Победы (эта практика позже была закреплена, в том числе и законодательно). Этот жест многими был воспринят как свидетельство того, что «волна отрицания собственной великой истории схлынула», и «понятие патриотизма, преданное было поруганию и лжи», «вновь стало наполняться сокровенным значением» [Яшманов 1996]. Корректируя символическую политику, власть условно реагировала на запрос, сформировавшийся в обществе, уставшем от тиражирования негативного образа Нас⁹. При этом она опиралась на уже сложившийся репертуар смыслов: в то время как Октябрьская революция вследствие реинтерпретации в медийном дискурсе стала предметом идеологической конфронтации, Великая Отечественная война, память о которой была основательно институционализована в предшествующий период [Копосов 2011: 90-105] оставалась символом, значение которого никем не ставилось под сомнение.

Начиная с 1995 г. Б.Н.Ельцин и его спичрайтеры пытались найти новый ракурс интерпретации Великой Победы, стремясь использовать огромный символический потенциал этого события и вместе с тем – не отступить от принципа «отрицания тоталитарного прошлого». Анализ выступлений президента по случаю Дня Победы показывает, что Ельцин неизменно интерпретировал это событие как «символ мужества, патриотизма, самоотверженности» людей, но не заслугу государства и «советского строя» – в отличие от В.В.Путина, который стал говорить о великой победе (как и о некоторых других аспектах советского наследия) с точки зрения преемственности советской и российской государственности. Вместе с тем, Ельцин охотно использовал символ Великой Победы, чтобы подчеркнуть единство бывших союзных республик, напомнить Западу о былом сотрудничестве союзников по антигитлеровской коалиции и указать на необходимость преодоления «взаимного недоверия и страха», порожденного эпохой холодной войны [Ельцин 1995а], а также чтобы призвать к «национальному согласию и единству» «независимо от убеждений и политических пристрастий» [Ельцин 1999а]. Таким образом, именно при Ельцине были заложены основы современной практики политического использования богатейшего символического потенциала памяти о Великой Отечественной войне, успешно продолженной его преемниками.

Важной вехой на пути к «примирению и согласию» должно было стать перезахоронение останков императора Николая II и членов его семьи. Однако разгоревшиеся в обществе дискуссии относительно достоверности найденных под Екатеринбургом останков (ее отказа-

⁹ Потребность в такой корректировке ощущалась и «демократами», которые к тому времени уже утратили былое влияние на власть; не случайно и «Демократический выбор России», и «Яблоко» в ходе избирательной кампании 1995-1996 гг. уделили заметное внимание не только вопросам национальных интересов и межэтнических отношений, но и теме патриотизма [Малинова 1998: 133-150].

лась признать Русская Православная Церковь) и места захоронения останков в значительной степени свели на нет символическое значение этого акта: событие получило оттенок политической сенсации. В частности, решение об участии президента Ельцина в церемонии, проходившей 17 июля 1998 г., и тем самым – о ее статусе, было принято буквально накануне. В этом контексте эффект выступления президента, говорившего об *«искуплении грехов предков»* и о необходимости *«завершить век, который стал для России веком крови и беззакония, покаянием и примирением»* [Ельцин 1998], оказался смазан.

В конечном счете, политика «примирения» носила преимущественно декларативный характер: главной целью властвующей элиты ельцинского призыва оставалась легитимация непопулярных решений, принимавшихся под лозунгом «борьбы с тоталитарным режимом», и это обстоятельство не позволяло уйти от практики использования прошлого по принципу контраста с настоящим. Вместе с тем, более отдаленное прошлое в политической практике 1990-х гг. использовалось мало. На наш взгляд, это объясняется, с одной стороны, отсутствием «готового» нарратива, который позволял бы связать наследие доимперского и имперского периода с современными задачами конструирования макрополитической идентичности¹⁰, а с другой стороны – отсутствием ясности в отношении оснований, границ и ценностно-смыслового содержания последней. Во всяком случае, заказ на разработку нарратива, пригодного в новом контексте, сформулирован не был. Не разделяя в полной мере интерпретацию коллективного прошлого, предложенную в конце 1980-х – начале 1990-х гг. «демократами», власть по прагматическим соображениям вынуждена была ее придерживаться.

2000-е: образ «великой державы» в технике коллажа

По разным причинам в процессе политической трансформации 1990-х гг. не удалось создать эффективные институциональные арены для обсуждения общественно значимых проблем и способов их решения. Идеологические конфликты в фрагментированном публичном пространстве существенно затрудняли решение задачи консолидации макрополитического сообщества, стоящего за новым Российским государством – и это обстоятельство со знавалось политическим классом как проблема. В 2000-х годах был взят курс на установление «согласия сверху» путем частичного ограничения плюрализма в «ядре» публичной сферы и одновременно – попыток внедрения своего рода «частичной» идеологии, эклектически сочетающей элементы разных дискурсов [Идейно-символическое... 2011: 274-281]. Не будучи в отличие от своего предшественника связан принадлежностью к политико-идеологическим лагерям 1990-х гг., В.В.Путин мог себе позволить использовать идеи и символы из репертуара «народно-патриотической оппозиции», казавшиеся абсолютно неприемлемыми «демократам».

Первым шагом в этом направлении стало принятие в 2000 г. федеральных конституционных законов о государственных символах России, утвердивших трехцветный флаг, был взят на вооружение «демократическими» силами в дни августовского путча 1991 г., герб с двуглавым орлом – символ империи Романовых, и гимн с новыми словами, положенными на «старую» советскую мелодию. Аргументируя этот компромисс, Путин осуждал позицию тех, кто «предельно идеологизирует» эти символы государства и связывает с ними исключительно «мрачные стороны в нашей истории». По словам президента, *«если мы будем руководствоваться только этой логикой, тогда мы должны забыть и достижения нашего народа на протяжении веков. Куда мы с вами тогда поместим достижения русской культуры? Куда мы денем Пушкина, Достоевского, Толстого, Чайковского? Куда мы денем достижения русской науки – Менделеева, Лобачевского и многих, многих других? А их имена, их достижения тоже были связаны с этими символами. И неужели за советский период су-*

¹⁰ В формировании такого нарратива властвующая элита безусловно зависит от усилий историков, журналистов, деятелей культуры и др.

ществования нашей страны нам нечего вспомнить, кроме сталинских лагерей и репрессий? Куда мы тогда с вами денем Дунаевского, Шолохова, Шостаковича, Королева и достижения в области космоса? Куда мы денем полет Юрия Гагарина? А как же блестящие победы русского оружия со времен Румянцева, Суворова и Кутузова? А как же победа весной 1945 года? Я думаю, что если мы подумаем обо всем этом, то мы признаем, что мы не только можем, но и должны использовать сегодня все основные символы нашего государства» [Путин 2000а]. Список национальных достижений, которые не должны быть забыты, отчетливо распадается на три категории: а) достижения великих соотечественников на почве культуры и науки, получившие мировое признание, б) военные победы прошлого, в ряду которых особое место занимает победа в Великой Отечественной войне, в) достижения в области освоения космоса. К началу XXI века репертуар положительных символов, способных служить опорой новой коллективной идентичности, был конкретизирован существенно хуже, нежели набор негативно оцениваемых моментов национальной истории, которые могли быть использованы в политической риторике в модальности «урока/предостережения».

Однако вскоре этот набор был дополнен идеей великодержавности, проецируемой на всю «тысячелетнюю историю» России. В новом официальном дискурсе именно государство (вне зависимости от менявшихся границ и политических режимов) стало представляться в качестве ценностного стержня, скрепляющего макрополитическую идентичность. Идея «сильного государства» как основы былого и будущего величия России была ясно сформулирована Путиным в 2003 г.: *«Хотел бы напомнить: на всем протяжении нашей истории Россия и ее граждане совершали и совершают поистине исторический подвиг, – говорил он в послании Федеральному Собранию. – Подвиг во имя целостности страны, во имя мира в ней и стабильной жизни. Удержание государства на обширном пространстве, сохранение уникального сообщества народов при сильных позициях страны в мире – это не только огромный труд. Это еще и огромные жертвы, лишения нашего народа»* [Путин 2003]. Как известно, в современных общественных дискуссиях огромная территория рассматривается не только как залог величия России, но и как проблема, в частности – как фактор, определяющий «мобилизационный» тип развития страны, сопряженный с некоторыми издержками¹¹. Высказывание Путина, идентифицирующее Россию с удерживаемым ею пространством («... *таков тысячелетний исторический путь России. Таков способ воспроизводства ее как сильной страны*»), и призывающее ценить плод «огромного труда» многих поколений людей, – безусловно заявка на вполне определенную позицию в этом споре.

Естественным следствием этих изменений в модели коллективной идентичности, поддерживаемой властью, стала переоценка советского прошлого. Путин впервые затронул эту тему еще в самом начале своей президентской кампании. В 1999 г. он писал в программной статье «Россия на рубеже тысячелетий»: *«Было бы ошибкой не видеть, а тем более отрицать несомненные достижения того времени», – а ниже в духе «демократического» дискурса 1990-х гг. добавлял: «Как ни горько признаваться в этом, но почти семь десятилетий мы двигались по тупиковому маршруту движения, который проходил в стороне от столбовой дороги цивилизации»* [Путин 1999]. В последующих выступлениях нового президента РФ можно обнаружить как позитивные, так и критические оценки советского опыта.

Более решительный поворот в этом аспекте символической политики обозначился в 2005 г., в начале второго президентского срока Путина: в послание Федеральному Собранию были включены известные слова о распаде СССР как «крупнейшей геополитической ката-

¹¹ Например, о проблемах, обусловленных обширной территорией, в контексте первой чеченской войны говорил Б.Н.Ельцин: *«Российская история распорядилась таким образом, что суверенитет государства простирается на огромную территорию и охватывает многочисленные народы». И далее: «Таким крупным странам, как Россия, естественным образом присущи большие внутренние различия между регионами». Их следствие – «диспропорции регионального развития», ставшие «родимым пятном нашей истории и экономики»* [Ельцин 1995b].

строфе века» [Путин 2005], которые явно противоречили оценке, многократно озвученной Ельциным (ср.: «*Советский Союз рухнул под тяжестью всеобъемлющего кризиса, разодраный на куски экономическими, политическими и социальными противоречиями*» [Ельцин 1996]). Вместе с тем, интерпретация распада СССР (который де-факто был актом рождения нового Российского государства) как случайной катастрофы, спровоцированной действиями плохих политиков, прекрасно вписывалась в концепцию «тысячелетней» великой державы.

В том же послании переопределялось значение победы в Великой Отечественной войне, 60-летие которой предстояло отметить две недели спустя: Путин придал этому событию особый гуманистический смысл, назвав его «*днем торжества цивилизации над фашизмом*», а солдат Великой Отечественной – «*солдатами свободы*». Эта интерпретация была увязана с проблемой отношений на постсоветском пространстве: гуманистическое наследие победы Путин представлял как общее достояние «*бывших республик СССР, а ныне независимых государств*», которому нужно «*вместе соответствовать*». Тема войны, значимая для конструирования национально-государственных идентичностей большинства стран Западной и Восточной Европы, стала играть важную роль в международной символической политике, превращаясь в объект соперничества интерпретаций. С течением времени символ Великой Отечественной войны в риторике глав Российского государства приобретал все больше новых смыслов. Не случайно Н.Е.Копосов высказал предположение, что миф о войне в постсоветской России выполняет функцию «*мифа происхождения*»¹², которую в силу резкого расхождения оценок не могут выполнять события, связанные с распадом СССР. На наш взгляд, в силу существенности идеологических противоречий в интерпретации коллективного прошлого трудно говорить о «*мифе происхождения*» применительно к современной России, поскольку функция такого мифа вытекает из разделяемого большинством нарратива о коллективном прошлом. Вместе с тем, очевидно, что символ Великой Победы благодаря его интенсивному политическому использованию, с одной стороны, и укорененности в массовом сознании, с другой, выступает в качестве важной узловой точки современной российской идентичности. Отчасти этим объясняется настойчивость российской стороны в «*войнах памяти*», развернувшихся в Восточной Европе во второй половине 2000-х годов.

Вместе с тем, «*реабилитация*» советского прошлого в официальной символической политике происходила избирательно: наиболее одиозные моменты были исключены из репертуара «*используемого*» прошлого. Примечательно, что именно при Путине в 2004 г. был отменен государственный праздник, ежесезонно вызывавший наиболее острые споры – годовщина Октябрьской революции. 7 ноября осталось «*памятным днем*» календаря в формулировке, введенной Ельциным – как День согласия и примирения. «*Вместо него*» появился новый государственный праздник – День народного единства 4 ноября, весьма условно приуроченный к дате освобождения Китай-города бойцами народного ополчения под предводительством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского в 1612 г. [Назаров 2004]. Однако «*авторам*» нового праздника так и не удалось укоренить его в практиках и ритуалах, способных вызвать общественный резонанс; его смысл остается непонятным и для элит, и для широкой публики [См. Ефремова 2012]. Оставшийся «*ничейным*» праздник оказался эффективно использован лишь организаторами традиционно проходящих в этот день «*Русских маршей*».

В выступлениях Путина можно обнаружить немало критических замечаний в адрес советского прошлого; описываемые изменения в символической политике не означали его тотальной апологии. История СССР оказалась «*политически пригодной*» прежде всего как история великой державы, которая несмотря на все трудности оказалась способна осуществить

¹² «*Миф происхождения*» (myth of origin) – это фундаментальный миф об историческом моменте, когда «*нация*» кристаллизовалась в своей «*современной*» форме [Schopflin 1997: 33-34; Coakley 2007: 542-543]. По мнению Копосова, миф о войне в каком-то смысле изначально имел такие функции, ибо легитимировал новые советские формы социальной организации, прошедшие «*проверку*» войной. В современных условиях «*миф о войне в концентрированном виде выражает историческую концепцию нового режима*» [Копосов 2011: 163-164].

(пусть и не вполне совершенную) модернизацию и превратиться в ведущего актора мировой политики. Тоталитарные практики и репрессии были «вынесены за скобки»¹³. Примечательно, что сходная редукция «актуальной» памяти имела место в массовом сознании. Согласно исследованиям Левада-Центра, «символическое примирение» с советским прошлым в конце 1990-х – начале 2000-х гг. сопровождалось «декоммунизацией» советских символов, которые «теперь связаны в общественном сознании не с коммунистической партией, ее руководством, тоталитарной пропагандой и т.п., а с идеализированным образом коллективного существования «всего народа»» [Дубин 2011: 18-19].

Символическая политика двух первых президентских сроков В.В. Путина отличалась принципиальной эклектичностью, стремлением сочетать идеи и ценности из репертуаров разных политических сил. При этом «единство» достигалось чисто механическим путем: совмещение элементов противоположных смысловых систем не сопровождалось содержательной реинтерпретацией, хотя объектами официальной номинации оказывались взаимоисключающие – в логиках прежних «символических битв» – идеи и символы.

Наиболее яркое проявление этой тенденции – дискуссии, связанные с продвижением концепции «суверенной демократии», основные принципы которой были сформулированы в президентском послании Путина Федеральному Собранию в 2005 г. и более детально разработаны в текстах плеяды политиков и публичных интеллектуалов во главе с заместителем руководителя Администрации Президента В.Ю.Сурковым. Эта концепция выполняла множество разных функций. В числе прочего она предлагала новую «формулу» российской идентичности, в которой «западническое» представление об *общности целей и ценностей* России и «Запада» сочеталось с «почвенническим» акцентом на *самобытный* способ их реализации; при этом Россия изображалась как *актуально* (а не только потенциально) *подобная* и *равная* своему Значимому Другому [Малинова 2008]. Для обоснования этой формулы требовалось не только напомнить о самобытности российского пути, но и связать национальное прошлое с идеей демократии, а также обнаружить в нем параллели с историей европейских стран, дабы придать основательность притязаниям на актуальное (а не потенциальное, как в традиционных западнических схемах) подобие и равенство с «Западом». Нетрудно заметить, что при решении этой задачи авторы «суверенной демократии» довольствовались «точечным» переопределением отдельных событий и символов коллективного прошлого, не посягая на формирование целостного нарратива и не оспаривая альтернативных интерпретаций, существующих в публичном дискурсе (что неизбежно потребовало бы более тщательной проработки деталей).

В частности, «присвоение» ценностей, с которыми традиционно связывается идентичность «Запада», осуществлялось за счет тезисов о том, что 1) «*мы... ничем не лучше и не хуже других*» и «*не должны считать себя какими-то изгоями, у которых не получается то, что получается у других*» – Европа тоже имела опыт авторитаризма и тоталитаризма [Сурков 2007: 35]¹⁴, 2) демократия – это Наш Собственный выбор («*...Россия приведена к демократии не «поражением в холодной войне», но самой европейской природой ее культуры*» [Сурков 2006: 30, сн.]. Одновременно СССР представлялся как «модернизационный крупнейший проект», который «уже нес в себе зачатки демократии, поскольку он ее деклариро-

¹³ Периодически они оказываются объектом критики, но в обезличенной форме. См. напр. в последнем по времени послании Федеральному Собранию: «Попытки государства вторгаться в сферу убеждений и взглядов людей – это, безусловно, проявление тоталитаризма. Это для нас абсолютно неприемлемо» [Путин 2012].

¹⁴ Нетрудно заметить, что, аргументируя этот тезис, Сурков произвольно «вспоминает» одни факты, забывая о других: абсолютизм в России действительно «достиг своего апогея примерно в то же время, что и во Франции», однако просуществовал на почти полтора столетия дольше; парламентаризм и впрямь «не намного младше, чем в [некоторых – О.М.] других странах», однако он оказался менее долговечным; и хотя сталинский режим – не единственный тоталитарный «опыт» в истории Европы, история его трансформации в нашей стране отличается некоторыми особенностями.

вал и формулировал в словах»¹⁵ [Сурков 2007; 37]. В этой логике оказывалось возможным представить выбор 1990-х гг. как «возвращение к демократическим ценностям», «подробно прописанным» в советской конституции» [Там же]. Фактически в этом пункте Сурков повторял советскую концепцию «социалистической демократии», с тем однако отличием, что формально стремился доказать историческую общность ценностей России и «Запада». Привлекая прошлое для подкрепления своих идеологических конструкций, участники дискуссий о «суверенной демократии» работали с ним в технике коллажа: они спешили заполнить контуры «удобной» в функциональном отношении схемы путем механического соединения элементов разных дискурсов. При этом они мало заботились о «правдоподобности» аргументов: вырванным из контекста устоявшихся нарративов символам прошлого приписывались радикально новые смыслы. Такая технология позволяла обозначить контуры модели коллективной идентичности, предлагаемой властвующей элитой (или ее частью), однако она не могла обеспечить формирование *связных и устойчивых* представлений о коллективном прошлом, настоящем и будущем, ибо исходно не была на это нацелена.

Ангрейд: тема прошлого в риторике Д.А. Медведева

Символическая политика Д.А.Медведева может рассматриваться как продолжение и развитие путинской линии на эклектическое сочетание политически «пригодных» символов из репертуара разных дискурсов, хотя в ней можно выделить и ряд новых тенденций. Подобно своим предшественникам, Медведев апеллировал к «тысячелетней истории», когда ему требовалось легитимировать наиболее важные решения. Например, в послании 2008 г., говоря о «понимании», с которым были встречены действия власти во время августовских событий и первые антикризисные меры, он отмечал: *«по-другому и не должно быть, когда речь идет о народе с тысячелетней историей, освоившем и цивилизовавшем огромную территорию», «создавшем неповторимую культуру» и «мощный экономический и военный потенциал»* [Медведев 2008]. Примечательно, что в качестве положительно оцениваемых достижений Медведев назвал не только «неповторимую культуру», но «территорию» и «военный потенциал» – символы, которые в современном публичном дискурсе ассоциируются с «имперским наследием». Здесь очевидна переключка с путинским посланием 2003 г. Вместе с тем, любопытно сравнить этот список с близким по смыслу пассажем из статьи «Россия, вперед!», где перечисляются составляющие «большого наследства», на которое мы можем опереться: *«Мы располагаем гигантской территорией, колоссальными природными богатствами, солидным промышленным потенциалом, впечатляющим списком ярких достижений в области науки, техники, образования, искусства, славной историей армии и флота, ядерным оружием, – писал Медведев. – Авторитетом державы, игравшей значительную, а в некоторые периоды и определяющую роль в событиях исторического масштаба»* [Медведев 2009а]. Обращает на себя внимание, что список позитивно оцениваемых элементов прошлого, «пригодных» для политического использования, заметно расширился по сравнению с 1990-ми гг., преимущественно – за счет осуществленной еще Путиным переоценки наследия «великой державы».

Медведеву также не чуждо было стремление легитимировать собственный политический курс по контрасту с прошлым (преимущественно, хотя и не исключительно, недавним). Наиболее ярко оно проявилось при обосновании концепции «модернизации» которая представлялась как *«первый в нашей истории опыт модернизации, основанной на ценностях и институтах демократии»* [Медведев 2009b; более подробный анализ см. Малинова 2012]. В этом контексте главным пунктом соотнесения оказывался советский опыт модернизации, который оценивался, с одной стороны, положительно (*«ценой неимоверных усилий аграрная,*

¹⁵ В качестве «крупнейших достижений» СССР Сурков называл «мощную идеологическую работу... в планетарном масштабе» и индустриализацию [Сурков 2007: 35-37].

фактически неграмотная страна была превращена в одну из самых влиятельных по тем временам индустриальных держав»), а с другой – критически («в условиях закрытого общества, тоталитарного политического режима эти позиции невозможно было сохранить»)). Та же мысль ранее была высказана в статье «Россия, вперед!», причем сравнение проводилось не только с советской, но и с петровской (имперской) модернизацией: обе они, как подчеркивал автор, были «оплачены разорением, унижением и уничтожением миллионов наших соотечественников» [Медведев 2009а]. Примечательно, что спустя 17 лет после начала перестройки лидер Российского государства, опасаясь негативной реакции, считал нужным доказывать, что предлагаемые им инновации не следует путать с революцией.

Вместе с тем, Медведев и его спичрайтеры попытались более избирательно подойти к оценке национальных традиций: ссылки на национальное прошлое в его выступлениях нередко имели критический характер и сопровождались призывами к пересмотру отдельных представлений и практик. Эта позиция была открыто заявлена в программной статье «Россия, вперед!», где подчеркивалось, что традиции «не все полезны» и от некоторых «следует избавляться самым решительным образом», причем указывалось на прецеденты «преодоления» негативных явлений прошлого («...когда-то и крепостничество, и повальная неграмотность казались неодолимыми. Однако же были преодолены») [Медведев 2009а]. Признание гетерогенности прошлого давало возможность подчеркнуть преемственность по отношению к положительно оцениваемой части исторического наследия и одновременно – стремление дистанцироваться от того, что представляется «недостатком» или «проблемой». Такой подход можно считать удачной находкой: он позволяет более гибко решать проблему преемственности/прерывности по отношению к прошлому.

В период президентства Медведева «исторический» аспект официальной символической политики формировался под заметным влиянием международной среды («войны памяти», связанные с переписыванием истории второй мировой войны в странах Восточной Европы, начались еще в середине 2000-х гг.). В ответ на резолюцию Парламентской ассамблеи ОБСЕ «Объединение разделенной Европы: защита прав человека и гражданских свобод в 21-ом веке в регионе ОБСЕ», осуждавшую сталинизм наравне с нацизмом как режимы, повинные в геноциде и преступления против человечности, в мае 2009 г. Медведев создал президентскую Комиссию по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Хотя работа этой комиссии не отличалась особой активностью, сам факт ее формирования и декларируемые цели имели большое символическое значение. Очевидно, что в случае необходимости этот институт мог быть приведен в действие. Так или иначе, в феврале 2012 г. Комиссия по попыткам фальсификации истории была упразднена. «Взамен» в июне 2012 г. было учреждено Российское общественное общество – профессиональная общественная организация во главе со спикером Государственной Думы С.Нарышкиным. Одной из задач общества должно стать обсуждение принципов организации исторического образования и учебников истории. Таким образом, институт, позволяющий власти контролировать массовые каналы трансляции представлений о коллективном прошлом, был создан в ином формате.

Проблема «политически пригодного» прошлого

Эти и другие действия можно рассматривать как косвенное свидетельство того, что властвующая элита сознает потребность в более целенаправленной работе с ресурсом коллективного прошлого. Вместе с тем, несмотря на описанную выше эволюцию «векторов» символической политики, коллективное прошлое скорее является объектом ситуативного «использования», нежели предметом целенаправленного «конструирования». Очевидно, что властвующая элита предпочитает не касаться «трудного прошлого» и стремится, насколько

это возможно, избегать определенности в оценках исторических событий, процессов и фигур, которые вызывают горячие споры в обществе.

Следствием такой символической политики стала крайняя ограниченность репертуара «политически пригодного» прошлого. В последние годы президентства Д.А.Медведева в этом отношении наметились некоторые сдвиги, однако в условиях смены лидера они не получили дальнейшего развития. В 2011 г. третий президент РФ попытался использовать празднование 150-летия крестьянской реформы, чтобы провести исторические параллели с собственным курсом на модернизацию [Медведев 2011]. Тогда же, развивая успех, он объявил о намерении отметить в 2012 г. 1150-летие Российской государственности. Позже, в декабре, с учетом предстоявшего в том же году 200-летия Отечественной войны 1812 года и 400-летия преодоления Смуты в 1612 году 2012 год был провозглашен Годом истории. В условиях подъема политической активности, связанной с выборами, либерализацией законодательства о партиях и уличного протеста, можно было предполагать, что круг акторов, которые попытаются использовать уже анонсированные юбилейные торжества в собственных политических целях, будет весьма широким. Однако этого не произошло. Юбилей Отечественной войны 1812 г. был чинно отмечен торжествами на Бородинском поле с участием президента В.В.Путина, однако не стал значимой вехой в переосмыслении макрополитической идентичности, а празднование 1150-летия в Великом Новгороде и вовсе было обойдено вниманием федеральных политиков высокого ранга. Можно предположить, что исторические символы, намеченные для политического использования Медведевым, «не вписались» в репертуар нового президентства Путина. Вместе с тем, есть основания полагать, что поиски политически «пригодного» прошлого будут продолжены: на это указывают попытки приспособить к «политическому моменту» юбилей П.А.Столыпина¹⁶, прозвучавшее в послании Федеральному Собранию 2012 г. предложение поставить общенациональный памятник героям Первой мировой войны [Путин 2012] и др.

Подводя итоги, можно констатировать, что практика политического использования прошлого в дискурсе властвующей элиты складывалась ad hoc и была подчинена логике легитимации политического курса. Как правило, текущие решения оправдывались по контрасту с политикой предшественников. Вследствие этого главным ресурсом и неизменным предметом споров являются события истории XX века. Вместе с тем набор политически «пригодных» символов, образов, нарративов, связанных с нашей «тысячелетней историей», в официальной риторике слабо конкретизирован. Спустя более чем двадцать лет после распада СССР России еще не удалось сформировать концепцию отечественной истории, отвечающую задачам конструирования ее новой коллективной идентичности. Конечно, разработка нарратива(ов) национального прошлого – это прежде всего задача профессиональных историков, однако политики призваны выполнять свою часть работы, включая в публичный оборот символы, связанные с событиями прошлого, и участвуя в их реинтерпретации. В конечном счете, властвующая элита сама пожинает плоды недостаточно дальновидного подхода к конструированию образов национального прошлого, испытывая недостаток символических ресурсов.

Афанасьев Ю. 1992. *Прошел год. - Год после Августа. Горечь и выбор.* – М.: Литература и политика. – С. 7-12.

Ачкасов В.А. 2012. Роль политических и интеллектуальных элит посткоммунистических государств в производстве «политики памяти». - *Символическая политика: Вып. 1.*

¹⁶ Фигура Столыпина оказалась включена в репертуар политически «полезных» символов прошлого в кампанию избирательной кампании, в июле 2011 г., когда Путин лично провел совещание, посвященное празднованию 150-летия со дня рождения своего предшественника на посту премьер-министра России.

Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М.: ИНИОН РАН. – С. 126-148.

Бурдые П. 2007. *Социология социального пространства* / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А.Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. – 288 с.

Гайдар Е. Т. 1995. *Государство и эволюция*. М.: Евразия. – 205 с.

Гудков Л. Дубин Б. 2007. Посттоталитарный синдром: «управляемая демократия и апатия масс. - *Пути российского посткоммунизма: Очерки* (под ред. М.Липман и А.Рябова). – М.: Изд-во Р.Элинина. – С. 8-64.

Дробижева Л.М. 2008. Процессы гражданской интеграции в полиэтничном российском обществе (Тенденции и проблемы). - *Общественные науки и современность*. – М. – № 2. – С. 68-77.

Дубин Б. 2011. Символы возврата вместо символов перемен. - *Pro et contra*. – М. – № 5 (53). – С. 6-22.

Егоров Н.Д. 1996. Июньские выборы: за стабильность и за потрясения? - *Российская газета*. – М. – № 53. – 29 марта.

Ельцин Б.Н. 1994. *Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «Об укреплении Российского Государства»*. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/2007/02/04/poslaniya_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_1994_god.html (дата обращения 11.11.12).

Ельцин Б.Н. 1995. *Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «О действительности государственной власти в России»*. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_o_dejstvennosti_gosudarstvennoj_vlasti_v_rossii_1995_god.html (дата обращения 11.11.12).

Ельцин Б.Н. 1995а. Фрагмент выступления президента России Б.Н.Ельцина 9 мая на приеме в Государственном Кремлевском дворце. - *Российская газета*. – М. – № 90. – 11 мая.

Ельцин Б.Н. 1996. *Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «Россия, за которую мы в ответе»*. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_rossija_za_kotoruju_my_v_otvete_1996_god.html (дата обращения 11.11.12).

Ельцин Б.Н. 1998. *Речь Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина на траурной церемонии в соборе Святых Апостолов Петра и Павла Петропавловской крепости 17 июля 1998 г.* – Режим доступа: <http://ural-yeltsin.ru/news/date20086/document1303/> (дата обращения 3.11.12).

Ельцин Б.Н. 1999а. Великий День Победы нашей. Выступление Президента РФ Б.Н.Ельцина на параде, посвященном 54-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. - *Российская газета*. - № 90. 12 мая.

Ельцин Б.Н. 1999б. *Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: «Россия на рубеже эпох»*. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_rossija_na_rubezhe_jepokh_1999_god.html (дата обращения 11.11.12).

Ефремова В.Н. 2012. День народного единства: Изобретение праздника. - *Символическая политика: Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс*. – М.: ИНИОН РАН. – С. 286-261.

Зверева В. 2004. История на ТВ: конструирование прошлого. - *Отечественные записки*. – М. – № 5 (20). – С. 160-169.

Зубкова Е.Ю., Куприянов А.И. 1999. Возвращение к «Русской идее»: Кризис идентичности и национальная история. - *Отечественная история*. – М. – № 4. – С. 4-28.

Идейно-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы. 2011. / Под ред. О.Ю.Малиновой. – М.: РАПН, РОССПЭН. – 285 с.

Каспэ И., Каспэ С. 2006. Поле битвы – страна. Nation-building и наши нэйшнбилдеры. - *Неприкосновенный запас*. – М. – № 6 (50). – С. 15-32.

Каспэ С.И. 2012. *Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай*. - М.: РОССПЭН. – 192 с.

Кива А. 1997. После коммунизма, накануне Октября. - *Российская газета*. – М. – № 212. – 31 октября.

Козырев А.В. 1994. *Преображение*. – М.: Международные отношения. – 336 с.

Копосов Н.Е. 2011. *Память строгого режима. История и политика в России*. - М.: Новое литературное обозрение. – 320 с.

Левада Ю.А. 2000. Человек лукавый: двоемыслие по-русски. - Левада Ю.А. *От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993-2000*. – М.: Московская школа политических исследований. – С. 508-529.

Малинова О.Ю. 1998. *Либерализм в политическом спектре России. (На примере партии «Демократический выбор России» и общественного объединения «Яблоко»)*. – М.: Памятники исторической мысли. – 207 с.

Малинова О.Ю. 2008. Образы России и «Запада» в дискурсе власти (2000-2007 гг.): попытки переопределения коллективной идентичности. - *Образ России в мире: становление, восприятие, трансформация* / Отв. ред. И.С.Семенов. – М.: ИМЭМО РАН. – С. 86-106.

Малинова О.Ю. 2010. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере. - *Политэкс*. – СПб. – Т. 6. – № 1. – С. 5-28.

Малинова О.Ю. 2011. Тема прошлого в риторике президентов России. - *Pro et contra*. – М. – № 3-4. – С. 106-122.

Медведев Д.А. 2008. *Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 5 ноября 2008 г.* Режим доступа: http://www.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349_type63372type63374type63381type82634_208749.shtml (дата обращения 11.11.12).

Медведев Д.А. 2009а. *Россия, вперед!* (Опубликовано 10.09.2009) Режим доступа: http://gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml (дата обращения 11.11.12).

Медведев Д.А. 2011. *Выступление на научно-практической конференции «Великие реформы и модернизация России»*. Опубликовано 3.03.2011. – Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/10506> (дата обращения 4.04.2012).

Миллер А.И. 2010. *Империя Романовых и национализм*. – М.: Новое литературное обозрение. – 392 с.

Миллер А.И. 2012а. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века. - *Историческая политика в XXI веке* / Под ред. А.Миллера, М.Липман. – М.: Новое литературное обозрение. – С. 7-32.

Миллер А.И. 2012б. Историческая политика в России: новый поворот? - *Историческая политика в XXI веке* / Под ред. А.Миллера, М.Липман. – М.: Новое литературное обозрение. – С. 328-367.

Морозов В.Е. 2009. *Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества*. – М.: Новое литературное обозрение. – 656 с.

Назаров В. 2004. Что будут праздновать в России 4 ноября 2005 года. - *Отечественные записки*. – М. – № 5 (20). – С. 85-99.

Нарочницкая Н.А. 2003. *Россия и русские в мировой истории*. – М.: Междунар. Отношения. – 536 с.

Путин В.В. 1999. Россия на рубеже тысячелетий. - *Независимая газета*. 30 декабря. - Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html (дата обращения 22.01.2011).

- Путин В.В. 2000а. Не жечь мостов, не раскалывать общество. - *Российская газета*. – М. – № 233 (2597). – 6 декабря.
- Путин В.В. 2003. *Послание Федеральному Собранию Российской Федерации*. 16 мая 2003 г. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/appears/2003/05/16/1259_type63372type63374_44623.shtml (дата обращения 18.11.12).
- Путин В.В. 2005. *Послание Федеральному Собранию Российской Федерации*. 25 апреля 2005 г. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type63374type82634_87049.shtml (дата обращения 11.11.12).
- Путин В.В. 2012. *Послание Федеральному Собранию Российской Федерации*. 12 декабря 2012 г. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/17118> (дата обращения 12.12.12).
- Собчак А.А. 1996. Мы начинали реформы, не рассчитывая на аплодисменты. - *Российская газета*. – М. – № 95. – 2 мая.
- Сурков В.Ю. 2006. Национализация будущего [параграфы про суверенную демократию]. - *Суверенная демократия: От идеи к доктрине*. – М.: Европа. – С. 27-44.
- Сурков В.Ю. 2007. Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности. Стенограмма выступления заместителя Руководителя Администрации Президента РФ перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров ВПП «Единая Россия». - *PRO суверенную демократию*. – М.: Европа. – С. 33-61.
- Торбаков И.Б. 2012. «Непредсказуемое» или «неопределенное» прошлое? Международные отношения и российская историческая политика. - *Символическая политика: Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс*. – М.: ИНИОН РАН. – С. 91-125.
- Феретти М. 2004. Обретенная идентичность. Новая «официальная история путинской России». - *Неприкосновенный запас*. – М. – № 4(36). Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/4/fe11.html> (дата обращения 7.11.12).
- Юрьев М. 2007. Две логики в российской политике. - *PRO суверенную демократию*. – М.: Европа. – С. 149-166.
- Яковлев А.Н. 1996. Если большевизм не сдается. - *Российская газета*. – М. – № 199. – 17 октября.
- Яшманов Б. 1996. У нас на всех одна победа. С праздником, россияне! - *Российская газета*. – М. – № 86. – 8 мая.
- Coakley J. 2007. Mobilizing the past: Nationalist images of history. - *Nationalism and Ethnic Politics*. – Philadelphia. – Vol. 10. – № 4. – P. 531-560.
- Laruelle M. 2012. Public memories, or public memory? Discussing the Kremlin's attempts to fight against a pluralism of remembrance in Russia. – *Paper presented at the Association for the Study of Nationalities 2012 World Convention*, New York, April, 19-21, 2012.
- Maiorova O. 2010. *From the Shadow of Empire. Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855-1870*. – Madison: University of Wisconsin Press. – XV, 277 p.
- Merridale C. 2003. Redesigning history in contemporary Russia. - *J. of contemporary history*. – L. – Vol. 38. – № 1. – P. 13-28.
- Schopflin G. 1997. The functions of myth and a taxonomy of myths. - *Myths and nationhood* / Ed. by G. Hosking, G. Schopflin. – N.Y.: Routledge etc. – P. 19-35.
- Urban M. 1998. Remythologizing the Russian State. - *Europe-Asia Studies*. – Glasgow. – Vol. 50. – № 6. – P. 969-992.
- Wertsch J.V. 2008. Blank spots in collective memory: A case study of Russia. - *The annals of the American academy of political and social science*. – Philadelphia. – № 617. – P. 58-71.